

ПАМЯТНИК АРМЯНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЕРЕБРА XI в.

А. Я. КАКОВКИН (Ленинград)

Музей при кафедральном соборе в Эчмиадзине обладает богатейшей коллекцией изделий армянского художественного серебра. Среди хранящихся в нем произведений этой области армянского прикладного искусства едва ли не самым ранним является мощехранительница перво-мученика Стефана¹, изданная в 1958 г. Б. Н. Аракеляном. В работе «Города и ремесла Армении в IX—XIII вв.» он кратко описал памятник и «на основании стиля и имеющихся на нем надписей» датировал его X—XI вв.² Через четыре года после выхода в свет книги Б. Аракеляна Г. Н. Тер-Гевондян в статье, посвященной двум ранним образцам армянского среброделия, детально описав интересующую нас мощехранительницу, предложил временем ее изготовления считать XI—XII вв.³ Упоминания о памятнике встречаем в некоторых работах, посвященных среброделию и культуре средневековой Армении⁴.

В данной статье мы ставим перед собой задачу дополнить наблюдения своих предшественников, уточнить некоторые высказанные ими положения, осветить оставшиеся незатронутыми вопросы стилистическо-технического анализа памятника, иконографии и символики украшающих его изображений.

Сейчас памятник представляет собой деревянный брусок, обложенный со всех сторон серебряными пластинами (рис. 1). От первоначального убранства осталась лишь позолоченная с лицевой стороны серебряная пластина (местами попорченная и утраченная на три четверти в нижней части), центральную часть которой занимает дверца (ныне заколоченная) с граненным бесцветным камнем в нижней части⁵. На этой пла-

¹ Инв. № (по музейной рукописной описи) 165. Размеры 20,5×13×2 см.

² Б. Արակելյան, Քաղաքները և արհեստները Հայաստանում Ք—Փ դարերում, Երևան, 1958, էջ 174—175, նկ. XXIա.

³ Г. Ն. Տեր-Գևոնյան, Հայկական արծաթյա ժանտեսակների երկու հին նմուշներ (սկզբնական), 1962, № 4, էջ 48—50, нлл.—вклейка между стр. 48—49.

⁴ S. Der-Nersessian, Le reliquaire de Skevra et l'orfèvrerie cilicienne aux XIIIe et XIVe siècles („Revue des Études arméniennes“, 1964, I, p. 131—132); „Декоративное искусство средневековой Армении“, Л., 1971, нлл. 143, стр. 45 (автор вступительной статьи к альбому Н. С. Степанян относит памятник к X в.); А. Я. Каковкин, Об изображении «заказчика» на мощехранительнице Стефана из Эчмиадзина («Советская археология», 1971, № 1, стр. 250—256); его же—К вопросу о византийском влиянии на армянские памятники художественного серебра («Этнографическое обозрение», 1973, № 1 (60), стр. 49—60, рис. 6).

⁵ Под камнем виден зуб—реликвия св. Стефана. По-видимому, раньше эта реликвия хранилась в углублении за дверцей мощехранительницы.

стие вычеканены фигурные изображения и надписи. Изображения расположены в три ряда. Вверху представлен сидящий на троне Христос⁶ с двумя предстоящими ангелами. Левой рукой Спаситель прижимает к груди закрытую книгу, правой — двуперстно благословляет. В руках ангелов — копья. В среднем ряду изображены в рост три мужские фигуры. В центре, на заколоченной дверце, — молодой святой в диаконском облачении (в стихари, подпоясанном веревкой, и перекинутым через левое плечо орарем), в правой руке у него кадильница, в левой — потир; он бос. Сохранившиеся армянские буквы по сторонам головы изображенного (...տիգրան) сообщают, что это Стефан. Слева от него — благословляющий святой с книгой, армянская надпись рядом с ним читается: Պ[ռ]դու — «Павел». По другую сторону от Стефана — святой со свитком и ключом в левой руке, правой благословляет. Надпись с его именем не

Рис. 1. Мощехранительница первомученика Стефана, XI в. Серебро. Эчмиадзин, музей при кафедральном соборе (№ 165).

дошла до нас, но иконографические особенности изображенного (курчава прическа, мягкая округлая борода, ключ в руке) указывают, что это Петр.

Нижняя часть пластины почти полностью утрачена, лишь слева остался фрагмент с изображением в рост фигуры без нимба и пояснительной надписи.

⁶ По сторонам крестчатого нимба Спасителя — традиционные обозначения: Տ[է]ր Ս[տեփանոս] — «Господь Бог». Здесь и далее армянские надписи приводим в раскрытом виде.

С тыльной стороны мощехранительницы укреплена серебряная пластина с чеканной надписью о ее обновлении: «*Յիշխանի ք[րիստո]ս Ա[մ-
նիս] ծ զաշխարհիս և նորոգողս [ևր] ի նշխարացս և զխորազմնս ունիորդիս.
Թշուկ[ա]նս ք[ան] շալ[ի] ԶՄԱ. ազաթք յիշխցէք զծառնսն*». В переводе на русский язык она звучит так: «Помяни, Христе Боже, золотых дел мастера Хоразма, поработавшего и обновившего святую мощехранительницу в год армянского летоисчисления 751 [+551=1302]. В молитвах помяните раба сего»⁷.

Обратимся к анализу техники и стиля мощехранительницы. Первое, что бросается в глаза при знакомстве с памятником, — совершенно плоскостная трактовка рельефа. Чеканные изображения только на 0,2—0,4 см. выступают над поверхностью фона. Рельеф строится по следующей схеме: линиями обозначаются контуры фигур, части лиц, рук, складки одеяний, атрибуты персонажей и т. п. и вокруг них «утопляется» фон. Получается почти одинаковой высоты мало расчлененный рельеф. Главная роль в трактовке фигур на мощехранительнице отведена линии: ею обозначены детали лиц (причем сплошной линией — «пелителькой» переданы глаза и нос), указаны направления прямых и ломающихся под разными углами складок одеяний, намечены оперения крыльев ангелов, украшения трона и книг у Христа и Павла, очерчены края фигур и т. п. В отдельных случаях увлечение линией приводит мастера к ее чисто орнаментальному решению (например, завитки, которыми оканчиваются в верхней части некоторые линии на подоле хитона сидящего Спасителя).

Позы и движения несколько грузноватых по пропорциям фигур (отношение головы к корпусу — 1×5,5 и 1×6) схематичны. Они оставляют впечатление застылости, скованности. Чеканщик не решается членить фигуры: все они четким силуэтом выделяются на нейтральном фоне пластины, контур их мягок и вял. При общем, довольно правильном построении фигур в целом заметны и некоторые просчеты в пропорциональном соотношении отдельных частей (например, опущенная рука со свитком у Петра очень коротка; у ангела же, стоящего справа от Христа, рука с копьем утрированно длинна).

Памятнику свойственны черты монументальности — за счет немногочисленности фигур, нерасчлененности их силуэта, компактности форм. Этому же способствуют: ясность и простота общего построения, известная схематичность в трактовке персонажей, нетронутые большие плоскости фона, отсутствие украшений и т. д.

⁷ Надпись, воспроизводившаяся Б. Аракелян (указ. соч., стр. 175) и Г. Тер-Гевондян (указ. соч., стр. 49, 50), представляет большой интерес, поскольку из нее мы узнаем имя ювелира и год обновления мощехранительницы. К тому же этот год служит хронологической вехой, позже которой памятник не мог быть изготовлен.

Судя по состоянию мощехранительницы, реставрация 1302 г. не была последней. Деревянный брус, на котором укреплены серебряные листы, и огранка камня на лицевой стороне принадлежат более позднему времени, скорее всего, XVIII, если не XIX столетию.

Говоря о стилистических особенностях фигурных изображений, вычеканенных на пластине, нельзя не отметить, что трактовка Стефана заметно отличается от трактовки других персонажей. Его фигура стройнее остальных. Моделировка ее пластичнее и строже. Лицо первомученика выразительнее других лиц, поза живее. Одевание архидиакона, в отличие от мешковатых, как бы обволакивающих фигуры одеяний остальных персонажей, приближается к реальным. Нимб его чуть больше по размерам венцов ангелов и апостолов. Однако предположение о том, что фигура святого была выполнена одновременно с остальными изображениями, отпадает. Толщина серебряного листа, на котором вычеканен Стефан, равна толщине пластины с другими изображениями, одинаковая интенсивность их позолоты, близость начертания букв с обозначением его имени и имени Павла и надписи рядом с Христом, равная высота рельефа всех фигур убеждают, что вычеканено изображение Стефана одновременно с остальными, но, скорее всего, другим мастером, более даровитым.

В стилистическом отношении данный памятник обнаруживает близость с некоторыми произведениями армянской пластики X—XI вв. Заметно родство изображений на мощехранильнице со скульптурным декором ахтамарского храма св. Креста (916—921 гг.)⁸ и с некоторыми рельефами Бгено-Нораванка близ Татевы (X—XI вв.)⁹. Отметим, что характерные для мощехранильницы особенности — плоскостная трактовка рельефа и преобладание в нем линейного начала — типичны и для некоторых памятников художественного серебра Грузии (чеканная икона Преображения из Зарзмы, 886 г.)¹⁰ и Византии (позолоченная пластина Жены у гроба (XII в.), хранящаяся в Лувре)¹¹.

Отдельные детали изображений тоже свидетельствуют о раннем происхождении мощехранильницы, указывая на X—XI вв. Так, трон, на котором восседает Христос, покрой одежды у персонажа в нижней части мощехранильницы, сосуд в руке Стефана находят аналогии в армянской скульптуре и миниатюре X—XI вв.¹² Архаичны и другие детали памятника: непропорционально большие нимбы у святых, разделение крыльев ангелов, форма кадильницы у Стефана и т. д.

По-видимому, на древность происхождения мощехранильницы указывают особенности, присущие надписям на памятнике (четкое на-

⁸ S. Der-Nersessian, Aght'amar. Church of Holy Cross. Cambridge, Mass., 1965.

⁹ Ս. Բ Ե Ր Ն Ե Ր Ս Ե Ս Ի Ե Ն, Էջմիածնի ագիափարիի պատկերի վաղը («Բանբեր Մանկ-աշխարհի», 1958, № 4, էջ 43—59, նկ. 1—7).

¹⁰ Г. Н. Чубинашвили, Грузинское чеканное искусство, Тбилиси, 1959, илл. 1—4.

¹¹ Ch. Diehl, Manuel d'art byzantin, t. II, Paris, 1926, fig. 337.

¹² S. Der-Nersessian, Aght'amar..., fig. 21, 27, 39, 49; M. Janaschian, Armenian Miniature Painting, t. I., Venice, 1966, fig. 48 (3).

Кстати, по мнению А. Н. Кубе, Гос. Эрмитаж. Путеводитель по отделению средних веков и эпохе Возрождения, Петербург, 1921, стр. 50, потиры сходной формы и пропорций — низкая воронкообразная ножка и довольно высокая расширяющаяся кверху чаша — в большинстве датируются до XI в.

писание, отсутствие слияния букв, приближающиеся к квадратным очертания последних)¹³, и отсутствие перед именами персонажей слова «святой»¹⁴.

Думается, что все вышеизложенное позволяет предположить XI-ое столетие наиболее вероятным временем изготовления памятника.

К сожалению, о месте выполнения мощехранильницы говорить можно лишь предположительно. Святой Стефан, архидиакон и первомученик, пользовался необычайно большой популярностью в Армении¹⁵. Автор конца VI—начала VII вв. Вртанес Кертог отмечает, что армянские церкви украшались изображениями богородицы с младенцем Христом на коленях, Григория Лусаворича и его мучений, сценами побоев камнями архидиакона Стефана¹⁶. Почетное место отводилось этому святому и в армянской церковной литературе¹⁷. В память Стефана по всей Армении воздвигались церкви и монастыри (ранние из которых датируются VII в.)¹⁸. Многие из них, вероятно, обладали реликвиями святого. По свидетельству историка конца XIII в. Степанося Орбеляна, среди высокопочтимых реликвий Танаатвалка были мощи св. Стефана¹⁹. Не исключено, что именно отсюда, из района Сисиана, и происходит интересующий нас памятник.

С иконографической точки зрения изображения, вычеканенные на лицевой стороне мощехранильницы, представляют несомненный интерес.

Сцена—Христос на троне с ангелами по сторонам—широко распространена в христианском, и, в частности, армянском искусстве. Следует, однако, отметить, что трактовка ангелов на нашем памятнике несколько необычна: они представлены с копьями в руках. Объясняется это, скорее всего, назначением памятника: изображение ангелов с копьями, которые невольно напоминают о мученической кончине Спасителя, вполне уместно на реликварии с мощами христианского святого.

¹³ Р. М. Жанполадян, Средневековые армянские надписи («Эпиграфика Востока», 1969, № XIX, стр. 67).

¹⁴ По нашим наблюдениям, определение «святой» стало употребляться в отдельных памятниках армянского серебрения с конца XIII в. Например, у персонажей, вычеканенных на скверском складне (1293 г.) из Эрмитажа, на триптихе «Хотакерац сурнишан» (1300 г.), хранящемся в музее при Эчмиадзинском кафедральном соборе.

¹⁵ Армянская церковь отмечает праздник св. Стефана на второй день после Рождества.

¹⁶ Վրթանես Կերտոգ, Յաղարի պատկերմանց, Վեհերիկ, 1832, էջ 334—336. См.: S. Der-Nersessian, Une apologie des Images de septième siècle («Byzantion», XVII, 1944—1945, p. 64).

¹⁷ «Шаракан». Богослужбные каноны и песни армянской восточной церкви; перевод с древнеармянского языка Н. Эмина, М., 1914, стр. 419; Bibliotheca Hagiographica Orientalis. Ediderunt socii Bollandiani, Bruxelles, 1910, p. 238—240.

¹⁸ К примеру, церковь в Лмбатаванке (VII в.), мартирий, посвященный первому мученику, в Нахчаване (конец VII в.).

¹⁹ St. Orbellian, Histoire de la Sainte, I, SPb., 1864; p. 193.

В прямую связь с этой сценой можно поставить и изображение св. Стефана. Одиночные изображения этого святого в средневековом искусстве встречаются в двух вариантах. В большинстве случаев он предстает в образе одного из семи первых диаконов христианской церкви. Тогда Стефан изображается в диаконском облачении и с каким-нибудь атрибутом: кадилницей, ладанницей, моделью церкви, книгой, свитком, атрофориумом и т. п.²⁰ Когда же хотели подчеркнуть значение Стефана-первомученика, то помимо традиционного одеяния его надевали мученическим венцом, пальмовой ветвью, либо камнями, окрашенными кровью, или позолоченными²¹.

На эчмиадзинском памятнике Стефан представлен в диаконском одеянии, с кадилницей и потиром. К тому же он бос и подпоясан веревкой. Аналогичные изображения этого святого редки²². Предлагаем следующее объяснение этому. Изображение босого в подпоясанном веревкой стихари Стефана следует, вероятно, воспринимать как символ отречения от мирских интересов и посвящения себя служению богу. Потир (чаша для причащения вином — кровью господней) заменяет атрофориум (атрисиду для хранения освященного хлеба — тела господя)²³. Есть и другое, более веское, по нашему мнению, объяснение этого атрибута. В данном случае Стефан представлен одновременно архидиаконом и первомучеником. Одежда²⁴ и кадилница должны определять его диаконское достоинство, потир, воплощающий идею жертвенности и напоминающий о чаше Спасителя на Тайной вечери²⁵, указывает на него как на мученика. При таком истолковании этого атрибута налицо прямая связь между изображением Христа в окружении ангелов с орудиями страсти и изображением Стефана с потиром — символом жертвенности. Естественно, напрашивается символическая параллель между

²⁰ R. Pileiderer, *Die Attribute der Heiligen*, 1898, S. 38, 123, 160. L. Réau, *Iconographie de l'art chrétien*, t. III (1), Paris, 1958, p. 448. Многочисленные примеры см.: R. de Fleury, *Les saints de la messe et leurs monuments*, t. V. Paris, 1897, pl. XII, XV, XXI, XL, LII, LV и др.

²¹ L. Réau, указ. соч., стр. 448; R. de Fleury, указ. соч., табл. XLI, LII.

²² Укажем на сходное с нашим изображение Стефана с потиром и кадилницей в гладзурской библии Есаи Ишечи 1318 г. (л. 522 об.) из Матенадарана (№ 206) и неизвестного архидиакона с потиром в руке в росписи храма Донаторов (XIII—XIV вв.) в Крыму — О. И. Домбровский, *Фрески средневекового Крыма*, Киев, 1966, стр. 7, рис. 4.

²³ G. de Jerphanion, *L'attribut des diacres dans l'art chrétien du Moyen âge en Orient*. „Melange Lambros“, Athènes, 1935, p. 403—416.

²⁴ Согласно богословским толкованиям, стихарь должен означать чистоту жизни диакона, орарь — благодать диаконского служения, одновременно он символизирует крылья ангелов, служение которых диакон изображает за богослужением; поручи означают, что священнослужитель вверяет (поручает) себя силе божьей, и напоминают «узы» Спасителя; пояс — препоясание Христа перед Тайной вечерей и т. д. — Н. Р. Антонюк, *Храм божий и церковные службы*, СПб., 1912, стр. 52, 53.

²⁵ О символическом значении чаши см.: А. Н. Норцов, *Символ чаши в христианской иконографии и истории*, Тамбов, 1906.

смертью Спасителя во искупление прехов человеческих и кончиной первого мученика христианства²⁶. Эта мысль нашла отражение в церковной литературе. В каноне, посвященном Стефану, читаем: «Ты добровольно терпеливо принял побиение камнями, через это даровано было тебе Богом стать соучастником в страстях Христовых»²⁷.

Рис. 2. Мошехранительница первомученика Стефана, 1691 г. Серебро. Эчмиадзин, музей при кафедральном соборе (№ 167).

²⁶ Аналогично осмысливались некоторые персонажи (Предтеча, Стефан и др.) на триптихе-реликварии 1293 г.— А. Я. Каковкин, К вопросу о скеврском складе 1293 г. («Византийский временник», XXX, 1969, стр. 197).

²⁷ «Шаракан», стр. 50.

Рядом со Стефаном уместно было поместить изображение очень популярных в Армении Петра и Павла, апостолов, также претерпевших мученическую смерть²⁸.

Не меньший интерес представляет сохранившаяся в нижнем левом углу безымянная фигура, которая трактуется Б. Н. Аракеляном и Г. Н. Тер-Гевондяном как портрет дарителя, заказчика памятника²⁹. Исходя из особенностей этой фигуры и специфики назначения памятника, мы полагаем, что она изображает одного из участников сцены «Побиевание Стефана камнями»³⁰, ранние образцы которой, судя по сохранившимся памятникам, относятся к IX в.³¹

Если наше предположение о наличии в нижней части мощехранильницы сцены «Побиевание Стефана камнями» верно, то можно в общих чертах реконструировать памятник: направо от сохранившейся фигуры были вычеканены другие персонажи, обычно изображавшиеся в этой сцене: бросающий камни мужчина, припадающий на колени Стефан, паблюдающий за происходящим Савл³².

Насколько нам известно, самые ранние композиции «Побиевание Стефана камнями» в армянском искусстве относятся ко второй половине XIII в. — это миниатюра евангелия 1263 г. (л. 6 об.) из галереи Фрира (FGA 56.111) в Вашингтоне³³ и маргинал в Праздничной минее 1286 г. (л. 36) из Матенадарана (№ 976). Последующие изображения на этот сюжет принадлежат к более позднему времени³⁴. Наличие сцены «Побиевание Стефана» на памятнике серебрodelия, выполненном, несомненно, ранее XIII-го столетия, должно указывать на существование прототипа в живописи (о котором писал Вртанес Кертот) или в пластике, от которых, вероятно, отталкивался мастер мощехранильницы. Это тем более интересно, что житийная тематика не нашла широкого отражения в армянском изобразительном искусстве IX—XI вв.

Мощехранильница Стефана — одно из самых ранних произведений армянского средневекового художественного серебра, дошедших до нас. Историко-художественное значение её необычайно велико. Иссле-

²⁸ Отметим и другое обстоятельство, указывающее на тесную внутреннюю связь между Стефаном и Павлом. По представлениям богословов, Стефан первым выдвинул идею вселенского христианства, главным провозвестником которой впоследствии стал апостол Павел. Имея в виду это, блаженный Августин (354—430) говорил: «Если бы не молился Стефан, то у церкви не было бы Павла».

²⁹ Р. Առաքելյան, указ. соч., стр. 174; Հ. Տեր-Ղևոնդյան, указ. соч., стр. 49.

³⁰ А. Я. Каковкин, Об изображении «заказчика» на мощехранильнице Стефана из Эчмиадзина, стр. 250—254.

³¹ L. Réau, указ. соч., стр. 452—453.

³² Сцена, подобная той, что вычеканена в нижней части позолоченной мощехранильницы первомученика Стефана (1691 г.) из музея при кафедральном соборе в Эчмиадзине (рис. 2) — инв. № 167.

³³ S. Der-Nersessian, Armenian Manuscripts in the Freer Gallery of Art, Washington, 1963, pl. 67, fig. 193, p. 66—68.

³⁴ Там же, стр. 87; А. Я. Каковкин, Об изображении «заказчика» на мощехранильнице Стефана из Эчмиадзина, стр. 254.

дование стилистическо-технических особенностей мощехранильницы обнаружило точки соприкосновения ее с некоторыми армянскими памятниками скульптуры X—XI вв. Иконографический анализ украшающих мощехранильницу изображений указывает на оригинальность трактовки отдельных образов и сцен.

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԴԵՂԱՐՎԵՍՏԱԿԱՆ ԱՐԾԱԹԱԳՈՐԾՈՒԹՅԱՆ XI Դ. ՀՈՒՇԱՐՁԱՆ

Ա. ՅԱ. ԿԱԿՈՎԿԻՆ

Ա մ փ ո փ ու լ

Ստեփանոսի մասնատուփր հայկական դեղարվեստական արժաթագործության մեզ հասած այն հնագույն նմուշներից է, որի պատմա-գեղարվեստական արժեքն անհամեմատ մեծ է։ Մասնատուփր բազմաթիվ զուգահեռների X—XI դդ. հայկական քանդակագործական հուշարձանների հետ։ Այն զարգարող մանրաքանդակների նախնի պատկերագիտական վերլուծությունը վկայում է, որ առանձին առարկաներ և պատկերներ իրենց անկարանությունը միանգամայն ուշադրավ են առնվում և քննարկվում։